

«Пантопода» живет и здравствует

Сейчас Вы можете познакомиться, читатель, с уже упоминавшимся журналом «Пантопода», который много лет издается учащимися биологического класса. Сначала «Пантопода» первого года издания представляет сама себя, а затем следуют публикации из нее, которые дают представление не только о серьезно поставленных детских научных работах, но и о стиле жизни и работы класса, об истории и географии «их биологии». И все это – на протяжении почти двух десятилетий.

Два последних номера журнала «Пантопода» вышли в одной книге перед самым отъездом биоклассов на летнюю практику. После этого в издательском деле наступило затишье – старший класс ушел на конкурсные экзамены, 10-й (ныне 11-й) отправился на самую трудную, самую большую свою практику – на Белое и Баренцево моря, младший, только что набранный класс, впервые выехал на длительную полевую практику в Эстонию, на сей раз – в Лахемааский национальный парк.

Но «Пантопода» был с нами! Во-первых, подписчиками его стали за лето и учебный центр в Лахемаа, и Беломорская биологическая станция МГУ (совместно с которой мы делаем сейчас научную работу, касающуюся антропогенных влияний в Кандалакшском заливе), и биостанция Мурманского морского биологического института «Дальние Зеленцы», и школа в Индии, функционирующая на берегу Индийского океана, для которой мы также собирали материал на Белом море.

Во-вторых, наши учебные работы приобрели теперь особый оттенок – мы, как прежде, и учим, и учимся, но и у учителей, и у учеников появилась тенденция организовывать обучение так, чтобы сделанная работа была интересна для «Пантоподы». Удалось ли нам это – покажут публикации ближайшего времени.

Ну и наконец – в «Пантопode» появились новые авторы! Прислали свои работы ребята из двух малых академий – Владивостока и Севастополя. А вот московские школы что-то пока молчат... Впрочем, журналу ведь еще и года нет, ему еще расти и расти. Редакция поздравляет всех подписчиков и авторов с новой встречей!

Новые горизонты Эстонии

И. Григорян, г. Москва

В этом году (с 6-го по 29-е августа) летняя практика 10-го биоматематического класса проходила в Северной Эстонии, на территории Лахемааского национального парка. Приглашение провести там учебную практику мы получили от заведующей учебным центром парка Руты Зенгбуш.

Лахемааский национальный парк занимает 4 ландшафтных района северной и северо-восточной Эстонии, включая морское побережье. Мы жили на юго-восточной окраине национального парка в поселке Вийтна на берегу Малого Вийтнаского озера. Малое и Большое Вийтнаские озера сегодня являются предметом особой заботы и тревоги администрации парка. Из рассказа Руты Зенгбуш мы узнали, что Большое Вийтнаское озеро, Суур'ярв, относится к числу озер с несложной прозрачной водой, содержащей мало питательных веществ. Такие озера называются олиготрофными, в Эстонии их насчитывается около 10. Но в последнее время прозрачность воды в озере уменьшается. Как считают специалисты, это обусловлено увеличением количества водорослей в результате процесса эвтрофикации (рост количества органических веществ в водоеме) озера. Содержание питательных веществ в озере увеличивается, видимо, за счет использования мыла, других моющих средств, а также из-за воздушных промышленных дымов. Все это, безусловно, как-то меняет экологический климат озера, его растительный и животный мир. Напротив, Малое Вийтнаское озеро, – эстонцы называют его Линаярв (озеро, в котором вымачивали лен), относится к озерам с довольно высоким содержанием питательных веществ, вода в нем слоистая, непрозрачная.

И вот в качестве учебной практики Руть Зенгбуш предложила нам изучить видовое многообразие растительного и животного мира двух озер, попытаться оценить экологическую ситуацию в них. Мы с радостью приняли это предложение – для ребят это означало, что, несмотря на учебный характер наших работ, они значимы и важны для Национального парка, что, конечно же, очень стимулировало нашу научную деятельность. В Вийтне, а потом и в Москве были проведены две конференции, на которых ребята сообщали о первых результатах изучения флоры и фауны Вийтнаских озер и окрестностей Вийтны, а также обсуждались на-

правления будущих исследований. Подробные отчеты об этих работах — в этом и следующих номерах нашего журнала.

Живя в Вийтне, ребята интересовались не только природой Эстонии, но и историей этого удивительного края, его традициями, тем, что волнует эстонский народ сегодня. Нам очень повезло — наши хозяева охотно делились с нами всем, что волновало и волнует их, рассказывали об истории Эстонии, ее столице, показали нам прекрасный слайдовый фильм о Лахемааском национальном парке, пригласили на праздник национальных песен и танцев. И это далеко не полный перечень того, что мы увидели и узнали благодаря Руты Зенгбуш и ее коллегам.

Двадцать три дня ребята жили не только своими радостями, новыми открытиями, но и заботами и тревогами Национального парка и всей Эстонии, тех людей, которые стали нам теперь очень близки.

Контакты. Советско-Американский биологический лагерь в Поварово

Е. Петраш, 1989 г.

Летом 1989 г. представителям биологического класса школы № 520 было предложено принять участие в организации биологической программы для Советско-Американского лагеря, который проходил с 25-го июля по 5-е августа в Поварово, под Москвой.

Составляя программу, мы старались осуществить один из главных принципов обучения биологии в наших биологических классах: подход к биологии как к целостной науке, включающей в себя различные направления. Поэтому мы не только постарались познакомить американских ребят с природой Подмосковья, но и занимались с ними биохимией, молекулярной биологией, океанологией, физиологией растений, этологией (наука о поведении животных) и другими предметами. Лекции читали К. Нессис, О. Матвеева, Д. Староверов, Е. Говорунова, Е. Лебедева и Е. Петраш. В проведении семинаров и практических занятий участвовали И. Григорян, М. Курузов, И. Окштейн. Кроме того, огромную и часто очень квалифицированную помощь в проведении занятий оказывали нам наши выпускники.

Приехавшая группа американских ребят представляла собой довольно разношерстную компанию. Это были школьники 15-17 лет со всех концов Соединенных Штатов. Все они интересовались биологией, но т. к. в США нет единой программы для школ, то уровень их подготовки по разным вопросам мог отличаться очень сильно даже среди ребят одного возраста. В большинстве своем эти школьники проявляют повышенный интерес к экологии и

проблемам охраны окружающей среды. Здесь они проявили обширные знания и засыпали нас вопросами об экологической ситуации в нашей стране. С ребятами приехали четверо взрослых. Все они живут в разных городах США и преподают биологию в школе. Эти учителя помимо своей основной профессии имеют еще какую-нибудь биологическую специализацию (генетика, морская биология) и в этой области разбираются очень хорошо. С преподавателями у нас сразу наладился хороший контакт, они очень способствовали успешному ходу занятий. Кроме того, в один из дней они прочли для всех участников лагеря две лекции. Лекция Джерри Хоббса была посвящена проблемам биоэтики, а лекция Дэвида Ванга — традиционной китайской медицине. Эти лекции были очень интересны для советских слушателей не только потому, что затрагивают проблемы, редко обсуждаемые у нас, но и потому, что представляют собой блестящий пример американского подхода к обучению. По существу, это были даже не лекции, а беседы, в которых активно участвовала аудитория. Было видно, что американские школьники привыкли на уроках именно к такому стилю преподавания, они легко включались в дискуссию. Восприятие же классических лекций для них оказалось трудным, гораздо они работали на семинарах, практикумах и во время полевых экскурсий. К тому же на лекциях особенно чувствовался языковой барьер. Вообще мы все — и ребята, и взрослые — на своей шкуре почувствовали, как много дает для общения знание языка. Поначалу трудно было говорить даже на бытовые темы, поскольку американский английский сильно отличается от того языка, который учат в школе. И тут я хочу воздать должное нашим младшим помощникам, которые мужественно преодолевали все сложности общения, возникавшие как в лабораториях, так и в обычной жизни. Они по сути дела были нашими ассистентами, поэтому на них легла значительная часть объяснений на практике (все знают, как это нелегко даже по-русски!) Нам, старшим, удалось хорошо почувствовать, как сложно налаживать дружеские контакты с незнакомыми людьми из другой страны. Даже при самых благоприятных условиях требуется большой труд с обеих сторон. Поэтому мне хочется сказать большое спасибо Наташе Бурлешинной, Оле Богдановой, Лене Глуховой, Бэлле Левиной, Ане Любимовой, Кате Печенкиной, Инне Поддубной и Люде Полончук. Они проводили вместе с нами веселые уроки русского языка, они организовали в своей комнате своеобразный «клуб», куда приходили советские и американские ребята, а часто и взрослые, чтобы попить кофе, вместе поговорить и попеть. Их трудами создавалась дружеская атмосфера в лагере.

В заключение я хочу сказать, что для всех нас этот первый опыт общения со школьниками-биологами из другой страны был очень интересен и

во многих отношениях полезен. Организация «People to people» собирается развивать свои отношения с Советским Союзом по линии детских научных обменов. Поэтому будущим летом у нас скорее всего снова появится возможность участвовать в международном лагере. Я думаю, что если мы будем заранее к этому готовы, подберем для проведения лагеря подходящее место (почему бы не Лахемма?) и учтем ошибки этого года при составлении программы, мы можем сделать интересное для всех дело.

Весенние каникулы мы провели в Севастополе

Г. Соколова, апрель 1995 г.

Это уже пятое посещение Севастополя биокласом 520-й школы. Впервые мы приехали в этот замечательный город почти 10 лет назад — в 1986 г.

Севастополь был в ту пору закрытым городом (каким вновь стал теперь), и приехать нам удалось только благодаря трудам и заботам Д.К. Крупаткиной, сотрудницы института Биологии Южных Морей и многолетнего руководителя Малой (т. е. детской) академии наук. По просьбе Н.Г. и М.Е. Виногорадовых она взяла на себя заботу и о наших документах, и о жилье, и о занятиях, и об экскурсиях, и о развлечениях. Правильнее сказать, жизнь в Севастополе была, да и остается, конечно, такой захватывающе интересной, что никаких развлечений не требуется. Каждый день в Севастополе — и тогда, и теперь — это просто подарок судьбы. Но тот, первый, год все равно совершенно особенный.

Мы жили тогда на Северной стороне. Чтобы попасть в Центр, надо было переплыть залив. Мимо цветущих бело-розовых садов (это из московской-то промозглой весны!) мы спускались к морскому причалу, от которого каждые 15 минут отчаливает МРБ, исполняющий роль трамвая. Плыть до другого берега тоже минут 15, но от моря всегда надо ждать неожиданностей. Мы убедились в этом в первый же день, когда наш «трамвайчик» затормозил, едва отвалив от пирса: посередине залива шла эскадра военных кораблей. Это повторялось потом часто и, отправляясь в город, мы вскоре привыкли считаться с морскими порядками.

Северная сторона, хоть и застроена теперь пятиэтажными домами, остается тихой, какой-то дачной, почти деревенской. Поджидает переправы и от нечего делать читаешь объявления, прилепленные прямо к стволу каштана или акации: «Продается корова. Характер хороший». «Продаются 2 козы. Одна доится, другая скоро будет доиться».

Северная сторона — кажется тихой еще и потому, что даже во время войн здесь было спокойней, чем на Южной — ведь после татарского наше-

ствия осаждающие всегда приходили с моря, а значит, с юга. Только во время революции красные казаки подошли с севера. В Севастополе тогда тоже было страшное кровопролитие. Я знаю это от очевидцев — моей мамы и бабушки, которых революция застала в Севастополе.

На Северной стороне находится и Братское кладбище, принявшее солдат и в Крымскую кампанию, и в Великую Отечественную войну. В центре его, на холме, церковь Николая Морского, превращенная при советской власти в склад лопат и метел, а теперь на наших глазах вновь преобразившаяся в Храм.

После первого посещения Севастополя нам не привелось жить на Северной стороне, но не было случая, чтобы мы в очередной приезд не добрались бы до ее причала, затем — до Екатерининской мили, до спуска к морю через пляж и наконец до белых камней и крестов Братского кладбища и усеченной пирамиды Никольской церкви.

Но, если и на Северную сторону, и в Херсонес, и в музеи мы добрались сами, то уж попасть на научные корабли без Донары Константиновны мы не смогли бы никогда. От огромного пятиэтажного лайнера до маленького «Ковалевского», от самого современного управления до темно-коричневого отполированного руками старинного рулевого колеса, как на иллюстрациях к Станюковичу и Житкову, а также и морские лаборатории, и чай в уют-компании на «Водяницком», и песни под гитару с маленькой симпатичной командой «Ковалевского» — все это совершенно незабываемо.

Незабываемы и наши поездки в Балаклаву, и рассказы Донары Константиновны о том, как до войны в Балаклаву спускались татарские крестьяне, везли в тележках фрукты — огромные груши и яблоки, и каждое было завернуто в отдельную бумагу. Давно уж нет тех татар, разрушены их дома, но сады кое-где сохранились, и предприимчивые люди осенью все еще мешками везут оттуда грецкие орехи.

В последующие годы мы иногда приезжали в Севастополь чуть раньше, чем Донара Константиновна возвращалась из рейса, иногда — провожали ее в рейс, но прощанья на пирсе не были грустными. Они не удаляли Донару Константиновну от нас, а скорее приближали к нам Средиземное море, а за ним и океан, «Прекрасное Далекое», куда и мы поплывем однажды...

Только последнее прощанье, и не на пирсе, а на вокзале, было печальным. Мы узнали, что Донара Константиновна эмигрирует в Америку. Мне кажется, что представить себе Крупаткину без Севастополя трудно не только нам или севастопольским ее ученикам, трудно и ей самой. Теперь мы иногда получаем письма из Балтимора, а Севастополь для тех из нас, кто знаком с Донарой Константиновной, стал чуть-чуть пустоват.

Я хотела рассказать о поездке этого года, а получились воспоминания о всех предыдущих. Что ж, прошлое требует гани, а о годе 95-м напишет кто-нибудь еще, кто-нибудь из тех моих спутников, для кого знакомство с Севастополем началось этой весной, весной 95-го.

Пятое веховские чтения Д. Соколов

8 апреля 1995 г. в 520 школе в пятый раз прошли Чтения памяти Владимира Николаевича Вехова — замечательного ботаника, который посвятил свою жизнь изучению природы Белого моря и его берегов. Мы проводим эти Чтения ежегодно, между 11 марта и 11 апреля — днем рождения и днем смерти Владимира Николаевича. Идея Веховских чтений была предложена Галиной Анатольевной Соколовой (см. *Pantopoda*, № 7).

На Веховских чтениях школьники рассказывают о результатах своих самостоятельных научных работ. Такие работы стали постоянной частью обучения в биологическом классе с конца 1980-х годов, в это время мы провели первые конференции научных работ, начали издавать журнал «*Pantopoda*». Владимир Николаевич был первым рецензентом ботанических работ в нашем журнале.

На Чтениях было представлено 9 докладов. Они дают представление о круге самостоятельных работ школьников на летних практиках.

Три работы были выполнены на беломорской практике (в селе Ковда Мурманской области). Поскольку практика эта проходит ежегодно, доклады о природе окрестностей Ковды стали на наших Чтениях традиционными. Лиза Николаева рассказала о лекарственных растениях окрестностей села Ковда. Основной результат работы — хорошие рисунки лекарственных растений. Можно надеяться, что они скоро появятся на страницах журнала и будут интересны широкому кругу читателей. Женя Бер и Саша Подобег сделали доклад на тему «Определение состояния реки Ковда». Название оказалось несколько шире того круга вопросов, на котором остановились докладчики. Их работа посвящена изучению фито- и зоопланктона в реке Ковда. На основании анализа видового состава растений и животных в разных точках сделана оценка сапробности [показатель чистоты водоема] вод р. Ковда. В докладе Светы Ряскиной проведено сравнение четырех лугов в окрестностях села Ковда. Эти луга связаны в своем происхождении с деятельностью человека. Обсуждались различные варианты их зарастания в зависимости от характера окружающей растительности.

Остальные работы выполнены в г. Суздале, где практика биологического класса прошла прошлым летом впервые. Основное внимание было уделено

реке Каменке, на которой стоит город. Несмотря на то что работы во многом носят ознакомительный характер, многие из них содержат интересные и важные научные результаты. Марина Кулакова, Маша Самсонова, Кирилл Кумачев, Маша Зубкова и Кирилл Менчинский рассказали о растительности склонов по берегам реки Каменки. Бурное обсуждение вызвал вопрос о связи между характером растительности на склонах и возможностью образования оползней. Аня Филиппова, Денис Любецкий, Илья Серегин и Саша Подобег посвятили свой доклад зарастанию р. Каменки высшими растениями. Илья Серегин провел сравнительный анализ двух приводных геоботанических площадок — около верхней и около нижней плотины на р. Каменке. Андрей Мязин и Белокопытов Данила проанализировали данные по изучению луговых участков вдоль р. Каменки. Федя Неручев, Паша Торубаров и Вагим Николаев рассказали о заилении и зарастании реки Каменки. В обсуждении этого доклада большое внимание было уделено методике измерений. Доклад Данилы Белокопытова, как и ряд предыдущих, был посвящен лугам по берегу Каменки. Анализ данных по растительности этих лугов, представленный автором, вызвал бурное обсуждение. Ясно, что работы, сделанные в Суздале прошлым летом, должны быть продолжены в этом году. Теперь авторам стали яснее многие методические вопросы, а главное, они более четко, чем год назад, понимают цель своей работы.

К истории биологической станции в селе Ковда. Организация школьной практики в наши дни

Е. Говорунова, И. Кобузева, Е. Петраш, Г. Соколова
МГУ, ИМБ АН СССР, школа № 520

Создавая в 1973 г. биологический класс (еще в 57-й, а не в 520 школе), мы не имели никакого представления ни о работах Сент-Илера, ни о его биостанции, ни о нем самом. Но с самого начала нам было ясно, что практика на Белом море для будущих биологов необходима.

В отличие от Сент-Илера нам не надо было начинать поиск места от Архангельска. Биологический факультет МГУ давно освоил западный берег Белого моря и построил биостанцию на Киндо-мысе, вблизи Пояконды. Большой теплый пролив — Великая Салма — омывает берег мыса Киндо. Множество построек — общежития, лаборатории, столовая, дома сотрудников — составляют теперь целый поселок. Биостанцию и ее окрестности мы знали прекрасно, но устроить именно там практику для школьников не представлялось никакой возможности — уж очень она плотно населена в лет-

ние месяцы студентами, преподавателями, научными сотрудниками, стройотрядовцами и гостями.

Летом 1974 г. группа биологов-девятнадцатиклассников во главе с Н.Н. Константиновым выехала на Белое море, чтобы подыскать подходящее место для постоянной практики биокласса. В отряде было десять человек. Пройдя несколько деревень, они оказались наконец в Ковде — небольшом поселке в устье реки того же названия — живописной и уютной. Множество достоинств имела эта деревня для будущей биостанции: небольшие острова, вытянувшись цепочкой, отделяют Ковдинский рейд от открытой части моря, защищая берег от штормов. Тайга подходит здесь к самому берегу, устье реки и маленькие бухточки могли служить местом для причала. К тому же удаленность от железной дороги гарантировала не слишком большой наплыв туристов. В деревне было довольно много пустых домов. За два десятилетия до описываемых событий в верховьях Ковды была построена небольшая электростанция, ставшая причиной большой беды для Ковды — по реке теперь не могла идти на нерест семга — главная промысловая рыба этих мест. Рыбаки стали покидать родные места, искать работу в Княжой, Кандалакше, на лесозаводах островов. За ними потянулись семьи. Вот и появились в Ковде брошенные дома с заколоченными окнами.

Мы выбрали дом, принадлежавший семье Уловских, теперь живущих в Зеленоборске (сама фамилия показывает, что это были потомственные рыбаки). Оставленный ими бревенчатый дом был высокий, крепкий, с настеленным у крыльца полом — чтобы у дома было удобно ходить, заниматься хозяйством. Уловские сначала сдали его нам, но через год продали совсем — их жизнь пошла иным чередом — старшее поколение оставило работу по возрасту, молодые сделали городскими жителями. С тех пор каждое лето биокласс проводит в Ковде 5–6 недель.

Практика будущих биологов пошла в Ковде по многим направлениям. Прежде всего каждый участник практики учится управлять с лодкой. Многие навыки мы перенимаем у местных жителей — коренных поморов.

Самые разнообразные заботы ложатся на наши плечи: ремонт лодок, поддержание порядка, строительство лодочного сарая, аквариальной, туалетов, перегородки внутри дома, позволившие превратить бывшую клеть в жилое помещение, постоянные дежурства по столовой. Ученики и учителя становятся попеременно плотниками, столярами, кровельщиками, малярами, поварами и землекопами. Ничто не освобождает человека от дежурства по кухне, какие бы «посты» он ни занимал. Зато дежурным помогают все, и чем ближе к обеду — тем охотнее.

Часто преподавателями бывают вчерашние выпускники класса, а иногда среди школьников встречается выдающийся орнитолог, или знаток флоры, какие приходят в нашу школу из кружка И.К. Лоховой, или хороший плотник, архитектор, наконец, — коптильщик рыбы. Независимо от рода умения такой человек становится учителем.

Таким образом «педагогика сотрудничества» стала осуществляться на нашей практике значительно раньше, чем о ней заговорили в газетах.

А ведь некогда такая система взаимного обучения под названием «ланкастерской» была очень распространена в России в «век просвещения». Например, именно по такому принципу была организована школа, открытая в Сибири И.Д. Якушкиным, находившимся там на поселении (40-е гг. XIX века).

В ежегодной беломорской практике обязательно присутствует ботаническая часть, через которую так или иначе проходят все учащиеся. К этому моменту ребята уже много занимались ботаникой на практике в Эстонии и на подмосковных выездах, так что в большинстве своем они хорошо освоили работу с ботаническим определителем и ориентируются во флоре средней полосы Европейской части СССР. На Белом море они обычно углубляют свои знания в той или иной области ботаники. Это может быть изучение местной флоры и ее особенностей, геоботаническое описание флоры островов, которая часто довольно сильно отличается от материковой. В частности, на островах, где прежде были лесозаводы, можно обнаружить многие заносные растения, не встречающиеся нигде более в данной местности. Изучение лишайников, разнообразие которых в этих районах очень велико, а также определение морских водорослей — работа, тесно связанная с изучением морских биоценозов и их фауны. Мы считаем необходимым для будущих биологов знать растения. Поэтому знание основных 80–100 видов растений окрестностей Ковды требуется от всех учащихся. Но в остальном мы стараемся максимально учитывать интересы ребят и предоставлять им свободу в выборе предмета углубленного изучения. Поэтому каждый год акценты в нашей ботанической практике смещаются. Например, летом 1988 г. активно работала группа ребят, изучавшая морские водоросли. Были определены виды водорослей, характерные для Ковдинской губы, собрана их коллекция.

Каждый год составляется общий список видов растений, найденных и определенных за время практики. Список 1988 г. будет опубликован в «Пантопобе». Иногда во время ботанических работ ребятам удается сделать удивительные наблюдения, граничащие с открытием. Например, однажды на острове Овечий был найден Клевер люпиновый, северная граница ареала ко-

торого проходит по Тульской и Рязанской областям.

Но, конечно же, самое главное в нашей беломорской практике — это знакомство с морскими беспозвоночными. Первые годы гоступны нам были лишь обитатели литорали: баянусы, литторины, гаммарусы, пескожилы, загумчивые звезды, поедающие мидий. Стараясь изучить полнее гоступный нам небогатый животный мир литорали, мы считали практику незавершенной, если не находили, обыскав все прибрежные камни, семью актиний. Знакомство с глубинными обитателями ограничивалось находками, сделанными на коргах, и подарками наших соседей — подводников.

Так продолжалось до 1981 г., когда нашим шефом стал институт Океанологии АН СССР и нашими грузьями — супруги Виноградовы — Нина Георгиевна и Михаил Евгеньевич. Океанологи по специальности и замечательные педагоги они преобразили наши морские занятия: было налажено изучение планктона (до этого наше знакомство с пелагиалью ограничивалось ловлей медуз — цианей и аурелий — и любимых всеми нами крылоногих моллюсков — морских ангелов); совсем иными стали занятия на литорали: теперь мы не только находим и определяем животных, но и обращаем внимание на закономерности их размещения в зоне приливов и отливов.

Через несколько лет на научно-исследовательском судне «Витязь» специально для нас была изготовлена маленькая драга, открывшая нам донный мир. Первые годы мы посвятили знакомству с обитателями дна. Каждая новая драгировка несла нам открытия — раньше мы и представить не могли, что в ста метрах от дома можно поймать известных ранее лишь по картинкам голотурий, брахиопод, морских пауков — пантопод. Постепенно мы стали понимать, какие животные могут быть найдены вместе, соседство каких — невозможно. Перестало быть тайной для нас и то, где нужно искать ламинариевые леса, где — илы, где — пестрых багрянок. Такие слова, как драга, фал, чекель — прочно вошли в наш лексикон. Траление, разборка и промысловые элементы работы любой морской лаборатории — стали неотъемлемой частью нашей практики.

Разыскивая литературу о подводном мире Белого моря и, в частности, ковдинских окрестностей, мы обнаружили в библиотеке Беломорской биологической станции МГУ статью Константина Карловича Сент-Илера (1908 г.) с описанием донных проб, взятых в ковдинских водах 80 лет назад. Для того чтобы понять, что изменилось в море за эти семьдесят лет, отразились ли на морских сообществах изменения, произошедшие на берегу (была перекрыта река, выносившая пресную воду в море, прекратили свое существование лесопильные заво-

ды), мы взяли пробы в тех же местах, где в свое время работал Сент-Илер.

Мы хотим поподробнее изучить окрестности Ковды и ковдинский рейд Белого моря и, сравнивая наши данные с данными Сент-Илера, понять, как отразилась деятельность человека на экологии этих мест.

Беломорская практика, помимо знакомства с фантастическим миром морских беспозвоночных, позволяет еще и существенно расширить наши представления о мире растений, которые являются потомками только одной группы водорослей (принадлежавших, по-видимому, к типу Chlorophyta), которые в силурийском периоде сумели приспособиться к условиям суши. А в море бок о бок существуют полтора десятка типов (!) различных водорослей. Самые примитивные из них — микроскопические одноклеточные организмы, а самые высокоорганизованные — гигантские сложно дифференцированные растения типа ламинарий. Трудно подыскать более богатый объект, чем мир водорослей, для изучения путей органической эволюции. Именно поэтому, оказавшись на Белом море, мы стараемся на практических занятиях познакомиться с особенностями представителей различных групп водорослей и тем самым вдохнуть жизнь в теоретические схемы, которые представляют процесс эволюции на школьных уроках.

Еще несколько слов о нашем доме. Он находится на низком берегу Ковды, в так называемой Запони. С крыльца дома открывается вид на море с островами и необъятным небом. Фасад смотрит на высокий берег Ковды, где на холме за рекой, прямо напротив нашего дома, стоит деревянная церковь с колокольной. Она видна и с моря, и из любой точки Запони, и из наших окон. Создается впечатление, что она сопровождает каждую минуту нашей жизни в Ковде. Биостанция Сент-Илера в этом отношении была расположена менее удачно.

Часто обсуждался вопрос, как назвать дом в Ковде? «Биостанцией» — слишком громко; предлагалось множество названий, но не приживалось ни одно, говорили просто «наш дом». Вдруг мы узнали, что именно «Наш дом» — назывался один из приютов Януша Корчака. Это совпадение всем пришлось по душе. Мы не ищем иных названий, а «Наш дом» пишем с большой буквы.

Каждый вечер, собравшись в доме или у костра, мы поем под гитару, вспоминаем стихи, часто читаем вслух. Много рисуем — к этому весьма располагают беломорские закаты.

Все это — работа, песни, драгировки, острова, костры, звон гитары, свет закатного неба и море — делают жизнь на Белом удивительно наполненной и неповторимой.

Начиная со следующего номера, мы будем публиковать результаты наших беломорских наблюдений.